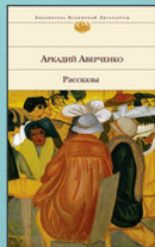

Аркадий Аверченко

Двенадцать портретов (в формате «будуар»)

*Часть сборника
Рассказы*

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Двенадцать портретов (в формате «будуар»)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619085*

Аннотация

«Эта книжка портретов – нечто среднее между портретной галереей предков и альбомом карточек антропометрического бюро при сыскном отделении.

Во всем том, что происходит в России, чрезвычайно большую роль сыграл Александр Керенский. Поэтому я и отвожу ему в своей портретной галерее целых три места.

Я не дал портретов Ленина и Троцкого, потому что эти два знаменитых человека и так уже всем навязли в зубах.

Вместо них я даю портреты их жен. Это – элегантнее и свежее.

...»

Содержание

От автора	4
Мадам Ленина	5
Мадам Троцкая	10
Феликс Дзержинский	15
Петерс	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аркадий Аверченко

Двенадцать портретов (В формате «Будуар»)

От автора

Эта книжка портретов – нечто среднее между портретной галереей предков и альбомом карточек антропометрического бюро при сыскном отделении.

Во всем том, что происходит в России, чрезвычайно большую роль сыграл Александр Керенский. Поэтому я и отвожу ему в своей портретной галерее целых три места.

Я не дал портретов Ленина и Троцкого, потому что эти два знаменитых человека и так уже всем навязли в зубах.

Вместо них я даю портреты их жен. Это – элегантнее и свежее.

Как я ни хитрил, а в заключение должен признаться, что из всей портретной галереи мне симпатичнее всего последний портрет – балтийского матроса, в лице Шкляренко и Бондаря...

Аркадий Аверченко

Мадам Ленина

Лошадь в сенате

Был в Риме такой человек по имени император Калигула, а по характеру большой чудак... Была у Калигулы лошадь, которую он до того любил, что однажды приказал Сенату выбрать ее в сенаторы.

Ну раз такой человек, как Калигула, приказывает – ослушаться неловко: обидится.

И выбрали лошадь в сенаторы.

И сидела она в Сенате.

* * *

Вся деятельность российских правителей заключается теперь в «затыкании за пояс» и «утирании носа». Заткнули за пояс Нерона. Заткнули за пояс Иоанна Грозного. Утерли нос испанской инквизиции. Утерли нос Варфоломеевской ночи.

* * *

А совсем недавно очень искусно утерли нос и заткнули за пояс и лошадь Калигулы.

Да и в самом деле, что такое лошадь Калигулы? Мальчиш-

ка и щенок! Сидела она смиренно, положив передние ноги на стол, и если пользы никакой не приносила, то и особого вреда не делала.

В Советской России появилась новая лошадь Калигулы – мадам Ленина, жена правителя.

Да что одна лошадь Калигулы!

Перед мадам Лениной побледнеет целый табун римских лошадей.

Газеты эпически рассказывают, что сделала эта активная «лошадь, допущенная в Сенат».

Во время первомайских торжеств около пятисот детишек, предводительствуемых новой лошадью Калигулы, – все это, кроме лошади, оборванное, голодное, истощенное – отпра- вились на прогулку в авиационный парк.

Раз все обыкновенные парки для прогулок вырублены – ясно: лошадь должна вести своих маленьких пленников в авиационный парк.

Когда будут разобраны на дрова все обыкновенные театры – Лошадь отведет свое маленькое умирающее войско в анатомический театр.

В парке погуляли, подышали бензиновым воздухом, потом Лошадь выстроила свою босоногую команду и спросила:

– Хотите ли вы, детки, конфет? – Только тихий стон пронесся по рядам. – Ну вот. Если хотите, то становитесь на колени и просите у вашего бога конфет.

Бедные запуганные, затурканные дети опустили на ко-

лени и завопили в небо:

– Боженька, дай нам конфект!

Лошадь сделала пятиминутную паузу и потом, хитро усмехаясь, проржала:

– Вот видите – какой же это боженька, который не исполняет вашей просьбы... Это все один обман. А теперь станьте на колени и скажите: «Третий Интернационал, дай нам конфект!»

Петербургские детишки теперь такой народ, что если ты их заставишь просить конфект у бурой свиньи гоголевского Ивана Никифоровича – они и тут покорно станут на колени.

Опустились детки на колени и, простирая руки, завопили в небо:

– Третий Интернационал! Дай нам конфекток!

И что же? О чудо! Сейчас же неподалеку поднялся аэроплан, закружился над детишками и стал осыпать их плохими паточными леденцами. Дети боролись, возились и дрались на грязной земле, чтобы больше захватить драгоценного лакомства, а Лошадь из Сената стояла тут же и, довольная, радостно ржала.

А еще вот для Лошади хороший рецепт: взять голодного ребенка и с помощью хорошей розги выдрессировать для следующей штуки: положив на нос кусочек белой булки, сказать:

– Во имя божие – ешь!

Выдрессированный ребенок стоит, как каменный, и смот-

рит на вас собачьими глазами.

– Во имя справедливости и милосердия – ешь!

Стоит ребенок, как каменный.

– Во имя Третьего Интернационала – пиль!

Кусочек булки моментально взлетает и через секунду хрустит на голодных зубах.

Вот настоящая забава – даже не для самого Калигулы, а для его Лошади... Калигула просто зарежет ребенка, но не станет над ним измываться.

* * *

Интересно, когда Лошадь после праздника вернулась в свою роскошную конюшню, пришла ли ей хоть на секунду в убогую лошадиную голову такая мысль:

«Мы издеваемся над именем Божиим и топчем Его в грязь. А Он нас не наказывает – значит, Его нет».

И если она это подумала, то наружно в этот момент ничего не случилось, гром не загремел, молния не засверкала и потолок не расплющил Лошади.

Но где-то в беспредельной высоте и глубине взметнулся невидимый жесткий и сухой бич и хлестнул поперек всея России...

Земля потрескалась, злаки приникли к раскаленной почве, и двадцать миллионов народа – того народа, который допустил среди себя хулу и унижения бога, – поползли с род-

ных мест неведомо куда, устилая трупами сухой проклятый
путь свой...

Мадам Троцкая

Шапка Мономаха

Сегодня мадам Троцкая никого не принимает. У нее с утра мигрень, кислое настроение, и даже ее постоянные посетители, два Аякса – Клембовский и Гутор, просидевши в передней сорок минут – уехали, не повидав своей повелительницы.

Только когда доложили о приходе ее любимца – генерала Парского, мадам Троцкая немного оживилась и приказала просить.

– Ах, мой женераль, – протянула она, капризно выпятив губки, – у меня сегодня такое настроение, что впору самой к стенке стать.

– А что такое? – озабоченно спросил Парский, склоняясь к протянутой ручке.

– Скучно. Мне чего-то хочется, а чего – и сама не знаю. Знаете что, генерал. Я хочу, чтобы вы устроили мне двор.

– А что? Опять грязь развели, каналы? Сегодня же прикажу вымести и убрать пустые ящики.

– Какой вы смешной, мой женераль. Я вам не о таком дворе говорю, который из окна виден, а о настоящем придворном дворе. У нас при дворе нет настоящего блеска, настоящего изящества, а Леве хоть кол на голове теши – никакого

внимания. Я пробовала сама что-нибудь сделать – ничего не выходит.

– Да, это трудно, – призадумавшись, отвечал Парский.

– Еще бы. Вы знаете, я основала благотворительное общество Красного Креста и попросила назначить себя почетной председательницей и покровительницей – а что вышло? На первом же торжественном заседании секретарь общества стащил у меня соболий палантин и выменял на полпуда сахару.

– Неужели только полпуда дали? – оживился Парский.

– Ах, мой генераль, вы совсем не тем интересуетесь, чем надо. Полпуда или пуд – сэт эгаль¹. Пришло мне позавчера в голову – иметь своего придворного поэта – помните, как Мольер был. Я и позвала Маяковского. Посидел полчаса, выпил полторы бутылки коньяку, набил все карманы печеньем, обкусал ногти, плюнул три раза на ковер и ушел, даже не попрощавшись. Неужели и Пушкин и Лермонтов были такие? Генерал, устройте мне двор!

– Понимаете, это очень сложная вещь. Нужно, чтобы было много блестящей молодежи... У вас есть родственники?

– Конечно, есть. И в Житомире есть, и в Елисаветграде. Один племянник Сеня – он на станции Одесса-Товарная с хлебом работал – на днях заявляется ко мне и просит: «Тетья, – говорит, – вы теперь совсем как королева – сделайте меня виконтом». «Сеня, – говорю я ему, – какой из тебя мо-

¹ Это все равно (*фр.*).

жет быть виконт, когда ты каучуковые воротнички носишь и у тебя всегда под носом красно». «Тетя, – говорит, – когда буду виконтом, вместо линолевых воротничков надену жабо, а что касается красного, так вы же сами знаете, что у меня хронический насморк».

– Да, – задумчиво покачал головой Парский. – Этот, пожалуй, на роль петиметра не подойдет.

– Ну разве же это не обидно? Теперь, когда мой Левочка разговаривает с державами Согласия, заложив ногу на ногу, а руки в карманах – так для этого же нужен пышный блеск. А где он? Нужна придворная жизнь, а где она? Мадам Каменева советовала мне: «Фаничка, – говорит она, – Фаничка! Набери себе побольше фрейлин, и чтобы они присутствовали при твоём ложении и вставании». Это легко сказать – набери. А как я с ними должна обращаться – я и не знаю. Могу я послать ее сбегать в Предком за сотней папирос, или для этого паж должен быть? Должна я с ними здороваться за ручку или они мне должны целовать ручку? Прямо-таки целый ряд тяжелых неразрешимых вопросов. Генерал, устройте мне двор.

– А вы хотели бы, приблизительно, в стиле какой эпохи?

– Что бы вы сказали про наполеоновский? Пышный двор, все маршалы из солдат, Лева ходит одетый в лососиновые штаны, а у меня талия высоко-высоко, совсем под груди. Мадам Каменева говорила мне: «Фаничка, вам это замечательно пойдет».

– А может быть, вам больше улыбается Екатерининская эпоха? – тоном модного портного, предлагающего ходкий фасончик, сказал Парский.

– Это тоже ничего себе эпоха. Фижмы, парики, граф Зубов. И мне нравится, что Екатерина переписывалась с Дидро и Вольтером. Я тоже, знаете, попробовала написать Анатолю Франсу, да ответа не получила. Или марку забыла наклеить, или тогда почта была лучше, чем теперь. А Луначарский даже обещал, что Пролеткульт издаст мою переписку с Анато-лем Франсом. Послушайте. А что вы скажете о дворе Людо-виков?

– Хорошие были дворы, – похвалил Парский.

– И знаете, вы были бы моими тремя мушкетерами: вы, Гутор и Клембовский.

– А знаете, вы действительно напоминаете лицом Анну Австрийскую.

– Серьезно? Мерси. Ах, герцог Букотам, ах, бриллианто-вые наконечники! А Дзержинский был бы кардиналом Ри-шелье... Да... Только ведь Людовики плохо кончили. Я не хотела бы для Левы такой карьеры.

– А не хотите Людовиков – возьмите эпоху Цезарей. Вот была красота, вот блеск! Устройте цирк на сто тысяч человек и скажите Дзержинскому, чтобы он, вместо своего дурацко-го «к стенке», выпускал на саботажников диких зверей. Же-стоко, но красиво.

– А где же Дзержинский диких зверей достанет? Гамбург-

ский Гагенбек на товарообмен не пойдет.

– А в Зоологическом?

– Ну действительно. Все хищные давно передохли. Остались одни филины да павлины. Так если этих зверей выпустить на голодных буржуев, так не звери их съедят, а они зверей слопают. И потом эпоха Цезарей не для нашего климата...

– А кстати, о климате. Вы мне прошлый раз обещали дать записочку на два пуда дров.

– Да ведь вы в прошлом месяце уже получили.

– Не понимаю, чего вы жметесь, ваше королевское величество. Ваши предки раздавали придворным, поддерживавшим их престол, целые города, поместья и леса, а из вас дюжину поленьев нельзя вытянуть... Пишите записку!

– Ах, мой генераль! Недаром нам, правящим сферам, приходится часто восклицать: «Как тяжела ты, шапка Мономаха!» Довольно с вас будет и пудика.

Феликс Дзержинский

Кобра в траве

Знаменитый советский чекист и палач Феликс Дзержинский, по словам газет, очень любит детей. Он часто навещает детишек в одном из приютов, находящихся в его ведении, и всегда нянчится с малютками.

В детском приюте – ликование:

– Дядя приехал! Дядя Феликс приехал!!

– Тише, детки, не висните так на мне. Вишь, ты, пузырь, чуть кобуру не порвал. Здравствуйте, товарищ надзирательница. Ну как поживают мои сиротки?

– Как сиротки? Что вы, товарищ Дзержинский! У них у всех есть отцы и матери.

– Хе-хе. Были-с. Были да сплыли. Этого беленького как фамилия?

– Зайцев.

– Ага, помню. Это совсем свеженький сиротка. С позавчерашнего дня. Впрочем, папочка его держал себя молодцом. Не моргнул папочка. Как его зовут? Кажется, Володя? Володя! Хочешь ко мне на коленку? Покатаю, как на лошади. Вот так. Ну целуй дядю. А это что за дичок? Почему волчонком смотришь?

– Это Чубуковых сынишка. Все к маме просится.

– Это какие Чубуковы?.. Ах, помню! Она какие-то заговорщицкие письма хранила. Преппикантная женщина! И с огоньком... Мой помощник хотел за ней во время допроса приволокнуться, так она, представьте, полураздетая – прыг в окно да вниз. Вдребезги! Передайте от меня сынишке шоколадку. Ну а ты, карапуз? Как твоя фамилия?

– Федя Салазкин.

– А, Салазкин! Твой папа, кажется, профессором?

– Н... не знаю. Его зовут Анатолий Львович.

– Во-во. В самую точку попал. Бойкий мальчуган и, кажется, единственный – не сиротка. Ты по воскресеньям-то дома бываешь?

– Бываю.

– А папа письма какие-нибудь получает?

– Получает.

– Что за прелестный ребенок! Так вот, Федя, когда папочка получит письмецо – ты его потихоньку в кармашек засунь, да мне его сюда и предоставь. А я уж тебе за это, как полагается: и тянучка, и яблоко, румяньенькое такое, как твои щечки. Только мамочке не проболтайся насчет письмеца, ладно? Ну пойді попрыгай!.. А ты, девочка, чего плачешь?

– Папу жалко.

– Э-э... Это уже и не хорошо: плакать. Чего ж тебе папу жалко?

– Его в чека взяли.

– Экие нехорошие дяди. За что же его взяли?

– Будто он план сделал. А это и не он вовсе. К нам приходил такой офицерик, и он с папочкой...

– Постой, постой, пузырь. Какой офицерик? Ты садись ко мне на колени и расскажи толком. Как фамилия-то офицера?..

– Какая у тебя красивая цепочка. А часики есть?

– Есть.

– Дай послушать, как тикают.

– Ну на. Ты слушай часики, а я тебя буду слушать.

– Постой, дядя Феликс! Ты знаешь, у тебя точно такие часы, как у папы. Даже вензель такой же... и буквочки. Послушай! Да это папины часы.

– Пребойкая девчонка – сразу узнала! Твой папочка мне подарил.

– Значит, он тебя любит?..

– Еще как! Руки целовал. Ну так кто же этот офицерик?

* * *

Уходя, дядя Феликс разнеженно говорил:

– Что за прелестные дети, эти сиротки! Только с ними и отдохнешь душой от житейской прозы...

Петерс

Человек, который убил

Есть такие классические фразы, которые будут живы и свежи и через 200, и через 500, и через 800 лет. Например:

– Победенным народам нужно оставить только одни глаза, чтобы они могли плакать, – сказал Бисмарк.

– Государство – это я! – воскликнул Людовик XIV.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.